

УДК 81'373.2

**ТУНГУССКИЙ ГЕНОНИМ *ДУЛИГАТСКИЙ*
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ***

TUNGUS GENONYMUM *DULIGATSKY* IN THE ASPECT OF HISTORY

Р. Г. Жамсаранова

R. G. Zhamsaranova

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Аннотация. Статья посвящена проблеме этноязыкового происхождения генонима *Дулигатский*. Введены в научный оборот названия родов тунгусского населения Нерчинского уезда на материале архивных документов Государственного архива Забайкальского края. На основе историко-лингвистических особенностей развития некоторых сибирских языков предлагается объяснение возникшей гипотезы о соотнесении генонима *Дулигатский* с загадочными «су-монголами» или «водяными монголами» Плана Карпини и других иностранных путешественников в работах о туземном населении Монголии 1248 года. Развитие лексических вариантов обозначения воды в тюркских языках обусловило возникновение апеллятивов-синонимов, послуживших основанием для определения «водяных» или «су-моалов» как экзонимных именованний *Дулу* и *Дулга*. Подобные сопоставления обнаруживают природу конвергентного характера, свидетельствующего о гипотетическом наличии диахронного ареально-языкового союза на описываемой территории, включая тюркские, монгольские, самодийские языки. Предложена версия собственно доэтнонимического плана генонима *Дулигатский* как производного от самоназвания долган – тыа-киһи «лесной народ», приведены языковые доказательства «превращения» самоназвания в этноним *Дулга* и в геноним *Дулигатский* с опорой на историческое развитие монгольских языков.

Abstract. The article is devoted to the problem of ethno-linguistic origin of the genonymum *Duligatsky*. The author has introduced the tribal names of the Tungus population of Nerchinsk Uezd on the basis of the documents of the State Archive of the Zabaikalye Territory for scientific use. Basing on the linguistic facts of historical development of some of the Siberian languages, the author explains the supposition of correlation of the genonymum *Duligatsky* with the mysterious «su-Mongols» or «water-Mongols» by Plano Karpini and other foreign travellers in the works on the ethnical population of Mongolia of 1248. The development of lexical variants of denoting water in the Turkic languages conditioned the appearance of appellative-synonyms that allowed to define «water-Mongols» or «su-Mongols» as exonyms *Dulu* and *Dulga*. Such comparisons reveal the origin of convergent character. That means that in historical past of the described territory there was a diachronic area-linguistic unity, including Turkic, Mongol and Samoyedic languages. The author suggests the origin of pre-ethnonimic meaning of the name *Duligatsky* as the ethnonimic of Dolgan – Тыа-Kihi, which means «the forest people» on the basis of facts of historical development of the Mongol languages.

Ключевые слова: *геноним тунгусов Дулигатский, конфедерации Дулга и Дулу, Нерчинский уезд, экзоним, этноним, «су-моалы», «водяные монгалы», Плана Карпини, доэтнонимное значение, омонимия.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00040

Keywords: *genonym of the Tungus «Duligatsky», confederations Dulga and Dulu, Nerchinsky Uezd, exonym, ethnonym, «su-Mongols», «water-Mongols», Plano Karpini, pre-ethnonimic meaning, homonymy.*

Актуальность исследуемой проблемы. Родовые названия тунгусов Нерчинского уезда представляют собой ценный ономастический материал для изучения языков, культур и истории народов исторической Даурии. Генонимы автохтонного населения региона, число которых по данным ревизии 1797 г. насчитывало 49 родовых названий, предполагают наличие не только алтаеязычных названий, этимология которых относит часть этноязыкового состава тунгусов к тюрко- и самодоязычным племенам Сибири.

Материал и методика исследований. Любопытным оказалось изучение генонимов *Дулигатский*, число которых постепенно уменьшалось по данным ревизских описей населения в разные годы. Изучена морфоструктура генонима посредством сравнительно-исторического метода, реконструировано доэтнонимное значение «тунгусского» генонима.

Результаты исследований и их обсуждение. Генонимы тунгусов Нерчинского округа – названия XVII–XIX вв. *Дулигарский / Дулигатский* – составляют весомое количество среди остальных 49 названий. Согласно ревизии 1816 г. было семь родов: *Дулигатский* род старшины Ивана Николаева, *Перводулигарский* отдельного десятка десятичника Семена Суханова, *Перводулигарский* зайсана Алексея Истомина, *Перводулигатский* десятичника Баканчи Домаева, *Перводулигарский* дополнительный Афанасия Епова, *Перводулигарский* шуленги Берекея Масюкова, *Втородулигарский* [5].

Со временем их число уменьшается. В документах второй половины XIX в. роды тунгусов уже не упоминаются. Т. Б. Уварова при описании нерчинских эвенков пишет о том, что в XX в. каких-то перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не было также событий, которые могли бы вызвать такое резкое сокращение численности эвенкийского населения, которое «внезапно исчезло». «К этому периоду из общего числа конных тунгусов лишь три группы продолжали именовать себя тунгусами: маньковские (в верховьях реки Газимур), борзинские (на реке Борзе, притоке Аргуни) – обе группы жили на территории бывшей Маньковской родовой управы – и джидинские, бывшие кучидские или еравненские (в южной части современного Баунтовского района Бурятии)» [16, 36].

Этот факт «исчезновения» эвенков или тунгусов на территории Нерчинского округа мы объясняем ассимиляцией тунгусов и последующим их «растворением» в среде пришлого русскоязычного населения вследствие крещения. Изучение ревизских описей 1858 г. показало, что тунгусы *Дулигатских* родов имеют русскую антропонимическую систему [4]. Добавим, что собственно эвенки также «прозывались» в описях тунгусами и при этом назывались «орочонскими». Данное наблюдение позволяет отличать внутри тунгусского населения Нерчинска этнических эвенков и некий иной субстрат, составлявший несомненное большинство.

При лингвистическом анализе генонимов *Дулигарский / Дулигатский* обнаруживается наличие русского суффикса *-ский*, суффиксов *-гар* и *-гат*. Аффиксы *-гар* (Дулигарский) и *-гат* (от монг. аффикса мн. ч. *-(э)аад*) (Дулигатский) отражают время функционирования генонима. Ранее мы уже касались вопроса об этноязыковой принадлежности тунгусоязычного аффикса *-gip/-gar*, сопоставляя его с адъективным аффиксом *-yag || -gar ~ -yir || -gir*, последний из которых зафиксирован также в словарях монгольского и в памятниках письменного-монгольского языков. Ссылаясь на исследования Л. В. Дмитриевой об очень редком в тюркологии отыменно-отглагольном аффиксе имен разного значения

на *-гар*, входящем в состав этнонимов с неясной пока этимологией, который «...может быть генетически связан с указанным выше монгольским аффиксом» [6, 170], считаем, что аффикс *-гир/-гар*, будучи словоформой древнего алтайского языкового сообщества, имел ареальную распространенность, «оформляя» этнонимы и генонимы в определенный исторический период, «оставшись» в последующем как тунгусоязычный аффикс.

Опираясь на исследования Н. А. Баскакова о том, что «слово в алтайских языках, с точки зрения его морфологической структуры, представляет собой не простое сочетание корня и суффикса, а сложное сочетание морфем со строго закрепленными за этими морфемами лексическими и грамматическими значениями» [2, 48], мы в нерчинских генонимах тунгусов выделяем аффикс *-лар*, являющийся аффиксом множественности в тюркских языках. В тунгусской генонимии Нерчинска название *Дуларский* зафиксировано в ведении Маньковской инородной управы совместно с Перво- и Втородулигарским родами по данным 1829 г. Геноним *Дулар* отмечен в Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков как название одного из солонских родов [14].

Сопоставление аффиксов генонимов *Дулигарский / Дулигатский* и *Дуларский* позволяет предположить, что последний – это геноним более позднего времени по сравнению с названиями *Дулигарский / Дулигатский*. Поиски ответов на вопрос о тех языках и диалектах, в которых, как современных, так и ныне исчезнувших народов, могут быть обнаружены языковые явления, объясняющие некоторые вопросы морфологического строения нерчинских генонимов, заставили обратиться к исследованиям Томской лингвистической школы по языкам народов Сибири.

А. П. Дульзон отмечал, что суффиксы *-лар(-ляр)*, как и *-тар(-тяр)*, *-нар(-няр)*, употребляются для образования множественного числа в якутском диалекте томских татар [8, 297]. Также эти аффиксы были выделены им в языках и диалектах народов соседних регионов: бельтирском, качинском, кюэрикском, карагасском, камасинском, койбальском, кызыльском, сагайском, шорском, чулымско-тюркском, черневом [8, 346].

Под томскими татарами А. П. Дульзон подразумевал «тюркоязычное население, которое проживало на Томи до Кузнецка и в прилегающих к ее устью прибрежных районах Оби в самом начале XVII в., т. е. к моменту присоединения этой части Западной Сибири к России [8, 297]». Ц. Б. Цыдендамбаев говорил о соответствии аффикса множественности *-лар* аффиксу *-нар* в современных монгольских языках, имея в виду билингвизм хори-бурят и при этом не исключая заимствованного характера аффикса монголами у тюркоязычных этносов [17, 188]. Однако родовое название тунгусов *Дулар* так и осталось «тунгусским», тогда как средневековый этноним *Дулга* – «монгольским».

А. П. Дульзон пишет, что аффикс *-лар(-ляр)* употребляется после основ на гласный и на ряд согласных, что и позволило выделить в «тунгусских» генонимах *Дуларский / Дулигатский* основу *ду-* и аффикс множественности *-гар*.

Определение корневого *ду-* в генонимах тунгусов Нерчинска обусловлено пониманием древности их образования. Мы опираемся на мнение Н. А. Баскакова, который соглашался с теорией В. Л. Котвича о первичной двузвучной структуре тюркского корня, состоявшего первоначально из двух фонем типа СГ (CV), т. е. из согласного и гласного [2, 48–49]. Наличие генонимов с корневым *ду-* (например, в архивных документах Государственного архива Забайкальского края *Дулга / Дулар (Дуларский, Дулигарский / Дулигатский* и проч.) и восстановленного этнонимного *Дурой* (от этнопонимов *Дуроевский / Дуройский / Дурулгуевский*) с последующими согласными *-л-* и *-р-* позволяет предположить, что этнонимы с основой *ду-* сформировались или, что более объективно, отразили

разные периоды развития тюркских языков, для которых были характерны явления ротацизма и ламбдаизма. Поэтому опора на теории Л. В. Котвича, Н. А. Баскакова и др. о процессах развития тюркских языков может служить доказательной базой тюркоязычного происхождения тунгусских генонимов с основой *-ду-*.

Судьба этнонимно-генонимных названий, связанных с далекой исторической эпохой, претерпевает разного рода коллизии и интерпретации в отношении их семантического значения. Не избежал этой участи и этноним *Дулга / Дулу*, основа которого семантически совпадает с апеллятивом *дьюл* «вода», связывая его с «водяными монголами». По-видимому, данное суждение отражает распространенные в этнонимии случаи омонимии, иллюстрируя таким образом «появление» тех или иных экзонимных именовании племени или народа в исторической ретроспективе. По китайским источникам народ *tha-tha* исторически соседствовал с монголами и, вероятно, являлся одним из тюркских поколений Дома Хунну. К ним же, т. е. к тюркам, относили и су-монгалов. В XII–XIV вв. путешественники из Европы посетили Сибирь в период господства монголов. Потому, естественно, все встреченные ими народы они относили и считали монголами, т. е. живущими в пределах Монгольской империи [1]. А потому споры о монгольском или тюркском происхождении этнонимов Средневековья не способствуют порождению объективной гипотезы, заводя вопрос в тупик.

Следует учесть этноязыковые контакты, языковую преемственность, исторически сложившиеся тюрко-монгольские этноязыковые связи. Н. А. Аристов писал о существовании могущественного союза дулу еще во времена хунну в западной части их владений, имевшего в своем составе и чуйские роды. Н. Я. Бичурин, В. Ф. Каховский считают, что племя дулу во времена Тюркского каганата играло большую роль [3, 273], [11, 150]. «В VII веке сложилось объединение племен дулу, которые кочевали на территории Семиречья. Род дулу был также в составе древних болгар и являлся княжеским родом, откуда происходили князья дунайских болгар» [11, 150]. Н. Я. Бичурин выделял другую ветвь потомков хунну, которая «по-монгольски называется ... *Дулга [Тукюе]*», как отдельный *Дом Дулга*.

В отношении этимологии корневой основы генонима *Дулигарский / Дулигатский* объективной представляется версия, связывающая этноязыковое начало «тунгусов» Дулигатских родов с долганами [9, 123–129], [10]. Б. О. Долгих заметил вариацию этнонима *долган / дулган*, обусловленную, по его мнению, влиянием «... якутской фонетики» [7, 106]. Основываясь на наблюдениях Б. О. Долгих о вариации этнонима *долган / дулган*, мы попытались сопоставить геноним тунгусов Нерчинска *Дулигатский* с этнонимным *долган / дулган*. Основу генонима *Дулигатский ду(л)-* мы сопоставляем с самоназванием *долган тья-киһи* «лесные люди», что позволило выяснить собственно доэтнонимическое значение генонима, соответственно и этнонима *долган / дулган*.

Любопытно пояснить произошедшие фонетические изменения от формы *тья-киһи* до *ду(лг)-*. Исследователи-монголоведы отмечают «переход исконного *t* в звонкий *d* почти повсеместно в юго-восточных и южных халхаских диалектах, в некоторых чахарских диалектах и в языке монголов Ордоса» [15, 37–38], [18, 103], [13, 73]. Поэтому анлаутное согласное *t*- исторического этнонима долган *тья-киһи* изменилось на более слабый *d*-монгольских языков, т. е. изначальная форма *тья* [tya] превратилась в *дыа-* [dya]. При посредстве каких-то юго-восточных, южных, ордосских или чахарских диалектоносителей монгольского языка изначальное *тья* [tya] перешло в *дыа-* [dya].

Гласный дифтонгоид долганского *-ья-* сменился на гласную *-у-*, как в онимах *Дулу* и *Дулга*, также посредством транслитерации. Подобный переход тюркского *-ья-* может

быть обусловлен исторической фонологией монгольских языков, в частности, бурятского и дагурского. В качестве отличительной черты этих языков В. И. Рассадным отмечено наличие смешаннорядной фонемы *э* вместо переднерядного *ε* других монгольских языков, который акустически близок к русскому *ы* или к тюркскому смешанному *ы* и отличается от них только своим более открытым характером. Поэтому при передаче бурятских слов «средствами русской орфографии бурятский звук *э* (графическое *э*) почти всегда обозначают буквой *ы*. Особенно закрытый характер носит фонема *э* в речи западных бурят, почти приближаясь к *ы*» [13, 15]. Н. Н. Поппе подобное явление зафиксировал и в дагурском языке. В. И. Рассадин объясняет это явление в системе гласного звукоряда влиянием тунгусо-маньчжурских языков, «так как для тунгусо-маньчжурских языков как раз и характерно подобное произношение звука *э* (в них, кстати, он тоже гласный смешанного ряда), бывающего подчас даже огубленным [13, 16]. Возможно, что именно эти явления исторического развития контактирующих языков и обусловили образование транслитерированных вариантов *Дулу* / *Дулга* от исходного *тыя-киһи* – самоназвания *долган* «лесные народы». И поэтому топонимы тунгусов *Дулигрский* / *Дулигатский* возможно связать с самоназванием *долган* / *дулган*.

Доказательством подобной связи служит мнение В. И. Рассадина о том, что центральнорядная слабоогубленная гласная *ө* произносилась только в первом слоге в старописьменном монгольском языке, тогда как во втором слоге читалась как *ү*. Это положение вполне объясняет образование этнонимного *Ду-лу*, которое в старомонгольском могло иметь исходную форму *дө-лу*.

По мнению В. И. Рассадина, так называемое оканье наиболее развито в дагурском языке и в монгольских диалектах Внутренней Монголии, где оно пронизывает буквально всю систему вокализма [13, 11]. Затем древняя фонема *о* в монгольских языках преобразовалась в *у* в связи с историческим развитием языка. В. И. Рассадин пишет, что «появление звука *у* на месте *о* наблюдается в бурятском языке и в других монгольских языках» [13, 13], объяснимое влиянием тунгусо-маньчжурских языков, особенно эвенкийского [13, 20]. Появление фонемы *ө* на месте исконной древней фонемы *е*, вследствие «перелома» гласного *е*, можно проиллюстрировать на примере исторических онимов, таких, например, как лексическая вариативность *тъйеле* / *теле* / *телеут(ы)* ~ *Ду-лу* / *Ду-лигаад* / *Дулигатский* / *Дулигарский* < *Дө-лу* < *тыя-киһи* / *кижи*. Подобная вариативность обусловлена также наличием в среде тунгусских родов Нерчинска *Долоцкого* / *Долотского* рода, основа которого могла произойти именно от формы *Дө-лу*.

Резюме. Таким образом, тюркоязычное происхождение топонимов *Дулигатский* / *Дулигарский*, равно как и топонима *Долоцкий* / *Долотский*, представляется достаточно обоснованной гипотезой. Исключается тунгусо-маньчжурское происхождение топонимов и, соответственно, сопоставление большей части тунгусского населения Нерчинска с эвнами или эвенками. Напомним, что такие древние этносы, как *Дахань* или *Дамо*, по мнению Н. В. Кюнера, являлись предками забайкальских дахуров / дагуров / дауров. В китайских источниках этнонимным *дахань*, вероятно, было передано изначальное *tha-tħa* (ср. *да-да-нь* или татар), которым обозначались так называемые лесные народы Средневековья. Добавим, что в работах забайкальских археологов артефакты, например, бурхотуйской археологической культуры «связываются [ими] с племенами отуз-татар (по руническим надписям), или шивэй (по китайским хроникам)». К подобного рода погребениям, аналогичным бурхотуйской и по времени, и по культурным фактам, археологи Забайкалья относят и находки так называемой дарасунской культуры, датируемые

VI–IX вв. н. э., т. е. периодом активных контактов и с уйгурами, и с соседним Китаем [12, 72–74]. Изучение антропонимов, особенно исторических, например, *Домаев* (варианты *Домашевский*, *Домуев*, *Дамаев*, *Дамасов*, *Тамоев*, *Тамуев* и проч.), с опорой на исследования в области ономастики как синкретичной науки способно заполнить лакунарные явления как в истории народов региона, так и в области исторического языкознания региональных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев, М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Т. 1 / введ., ред. и коммент. М. П. Алексеева. – Иркутск : КрайГИЗ, 1932. – 368 с.
2. *Баскаков, Н. А.* Алтайская семья языков и ее изучение / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1981. – 135 с.
3. *Бичурин, Н. Я.* Статистическое описание Китайской империи : в 2-х ч. Ч. 1 / Н. Я. Бичурин. – М. : Вост. Дом, 2002. – 464 с.
4. *Государственный архив Забайкальского края.* – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 17621.
5. *Государственный архив Забайкальского края.* – Ф. 1. – Оп. 1/5. – Д. 17513.
6. *Дмитриева, Л. В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках / Л. В. Дмитриева // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1979. – С. 135–191.
7. *Долгих, Б. О.* Происхождение долган / Б. О. Долгих // Труды Института этнографии. Сибирский этнографический сборник. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 84. – Вып. 5. – С. 92–141.
8. *Дульзон, А. П.* Диалекты татар – аборигенов Томи / А. П. Дульзон // Ученые записки. – Томск : Томский государственный университет, 1956. – Т. XV. – С. 297–379.
9. *Жамсаранова, Р. Г.* Генонимы тунгусов и инородцев-бурят тюркского языкового происхождения (на материале ревизских описей XVIII–XIX вв.) / Р. Г. Жамсаранова // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 142–150.
10. *Жамсаранова, Р. Г.* О генониме тунгусов *Дулигарский* / *Дулигатский* / Р. Г. Жамсаранова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2011. – № 1. – С. 123–129.
11. *Каховский, В. Ф.* Происхождение чувашского народа / В. Ф. Каховский. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2003. – 463 с.
12. *Кириллов, И. И.* Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье / И. И. Кириллов, Е. В. Ковычев, О. И. Кириллов. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 176 с.
13. *Рассадин, В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка / В. И. Рассадин. – М. : Наука, 1982. – 199 с.
14. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю* : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука, 1975. – 672 с.
15. *Тодаева, Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология / Б. Х. Тодаева. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – С. 37–38.
16. *Уварова, Т. Б.* Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках / Т. Б. Уварова. – 2-е изд., доп. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 172 с.
17. *Цыдендамбаев, Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование) / Ц. Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – 662 с.
18. *Poppe, N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies / N. Poppe. – Helsinki, 1955. – 103 p.